

Се Ляньфан украдкой поднял глаза. Сидевший во главе стола Ян Си смотрел на них издалека, и лицо его было чернее грозовой тучи. Се Ляньфан осторожно коснулся рукава Ян Е и тихо зашептал:

— Ваше высочество, побойтесь бога... здесь же столько людей!

Ян Е усмехнулся:

— И что с того, что люди? Будто мы с тобой чего-то не делали. Что за стыдливость вдруг проснулась? Так упираешься, словно мечтаешь выхлопотать у двора вдовий обелиск целомудрия.

— Вовсе нет, — поспешил оправдаться Се Ляньфан. — Просто вашему слуге... ещё дела вести в столице...

— Какое ещё дело, пока я рядом? — отрезал Ян Е. — Или вздумал наставить мне рога? Этого я тебе не спущу. А ну иди сюда!

Он резко притянул Се Ляньфана к себе, заставив того приникнуть к его груди, сделал глубокий глоток вина и прямо на глазах у ошеломлённых гостей властно припал к его губам. Се Ляньфан лишь жалобно замычал, не в силах вырваться — Ян Е крепко удерживал его, заставляя силой сглотнуть перелитое из своего рта вино.

Застигнутый врасплох Се Ляньфан с трудом проглотил хмельное и закашлялся, лоя ртом воздух. Ян Е лишь рассмеялся:

— Если решишь со мной развлечься, твоим делам это никак не повредит!

Столь вопиющая, безумная дерзость лишила присутствующих дара речи. Гости за столами оцепенели, не зная, куда девать глаза. Напряжённую тишину нарушил лишь тихий, едва слышный смешок императрицы Цэнь, за которым последовал ледяной вздох Ян Си.

Цэнь Умэй застыла, бледная как полотно. Помедлив мгновение, она молча поднялась и стремительно покинула пиршество.

Ян Е как ни в чём не бывало отпустил покрасневшего Се Ляньфана. Поймав на себе десятки ошарашенных взглядов, он весело подмигнул гостям:

— Что же вы притихли? Пейте, пойте, загадывайте загадки! Что вы так на меня уставились?

Присутствующим ничего не оставалось, кроме как выдавить натянутые улыбки и поспешно вернуться к кубкам и беседам.

В самый разгар пира Ян Е поднялся, чтобы удалиться в задние покои и привести себя в порядок. Се Ляньфан, помня о разнице в сословиях, сопровождать его не посмел. Заметив это, Бэйчэнь Цин бесшумно скользнул следом.

Однако на обратном пути дорогу им преградил император. Ян Си стоял прямо посреди коридора, темнее грозовой тучи.

Хмельной Ян Е небрежно прислонился к плечу Бэйчэнь Цина. Взглянув на брата затуманенным взором, он лениво поинтересовался:

— Что-то стряслось, венценосный брат?

Ян Си не ответил. Вместо этого он резко взмахнул рукой — звонкая, хлёсткая пощёчина эхом разнеслась по галерее.

От удара Ян Е покачнулся, но сдержал стон, лишь упрямо закусил губу и исподлобья зыркнул на брата. Этот взгляд лишь подлил масла в огонь. Разозлённый император шагнул вперёд, заноса руку для нового удара, но между братьями живым щитом встал Бэйчэнь Цин.

— Ваше величество, пощадите! — взмолился он прерывистым голосом. — Кругом люди, в зале полно министров! Смилуйтесь!

— Потакай своим прихотям дальше! — ледяным шёпотом процедил Ян Си. — Беснуйся, сколько душе угодно!

Круто развернувшись, он взмахнул широкими рукавами и скрылся в дверях дворца.

Ян Е горько усмехнулся. Проводив брата взглядом, он постоял в оцепенении несколько мгновений, а затем бессильно опустился прямо на холодные каменные ступени террасы. Бэйчэнь Цин сел рядом. Глядя на багровеющие на щеке князя следы пальцев, он потянулся было облегчить его боль, но Ян Е резким движением отвёл его руку.

Бэйчэнь Цин со вздохом тихо произнёс:

— Не держи на него зла. Он просто вышел из себя. В обычное время он ведь пылинке не даст на тебя упасть.

Ян Е прижал ладонь к горящему лицу, с силой потёр щеку и глухо отозвался:

— Знаю.

— Императору сейчас нелегко, — продолжал Бэйчэнь Цин. — Весь этот покой достался нам слишком дорогой ценой.

Ян Е кивнул:

— И это я знаю.

— Поэтому, что бы он ни сделал, я никогда не стану его винить.

— Выходит... ради него ты пойдёшь на всё, верно?

Бэйчэнь Цин повернулся к нему. В глубине его глаз застыла бездонная, беспросветная тоска. Слово за словом он ронял с тяжёлым трудом:

— Да. Ради его величества я без раздумий приму смерть. Ведь разве есть в этом мире участь страшнее гибели?

Ян Е грустно улыбнулся:

— Есть. Жизнь, которая хуже любой смерти.

Бэйчэнь Цин промолчал, и Ян Е тоже ушёл в свои мысли. Долгое время они сидели в полном безмолвии. Небо над головой стремительно наливалось чернильной темнотой, отголоски придворной музыки впереди окончательно затихли. Веселье подошло к концу, министры и сановники один за другим разъезжались по домам, и дворец погружался в сонную ночную тишину.

— Иди, Юньци, — негромко произнёс Ян Е.

Бэйчэнь Цин молча поднялся и скрылся в темноте. Ян Е остался один на каменных ступенях, невидящим взором уставившись в пустоту. Однако одиночество его длилось недолго. Перед ним бесшумно выросла тень. Чьи-то сильные руки рывком подняли его на ноги и бережно, но крепко прижали к груди.

— Всё ещё болит? — раздался над ухом тихий, полный раскаяния голос Ян Си.

— Уже нет, — ответил Ян Е.

Ян Си тяжело вздохнул:

— Прости меня, глупого брата. Я вспылел. Но если тебе не мила эта девчонка из рода Цэнь,

нужно было просто сказать мне прямо. Зачем устраивать весь этот балаган? Ты же сам даёшь недоброжелателям повод судачить о твоём бесчинстве.

— Не такой уж это и повод, — равнодушно отозвался Ян Е. — Я ведь и в самом деле делю постель с хозяином Се.

Ян Си нахмурился:

— Опять ты за своё! Только что слуги передали, будто императрица ждёт меня в своих покоях. Наверняка разговор пойдёт об этом позоре. Сяо Лан, брат виноват перед тобой, не стоило так сильно давить на тебя... Ступай к себе в поместье и хорошенько обо всём подумай. Тебе сейчас ни в чём нет нужды?

— Ни в чём, — покачал головой Ян Е.

Вспомнив, как младший брат недавно спустил целое состояние в азартных играх, Ян Си на мгновение задумался, а затем произнёс:

— В Эчжоу есть несколько медных рудников, на которых чеканят монету, — они самые богатые в Поднебесной. У тебя до сих пор нет собственного удела. Что ж, я жалую тебе эти земли вместе со всеми рудниками. Впредь не смей плакаться мне на безденежье. Только не забывай вовремя платить налоги и отправлять дань ко двору, чтобы завистники не смели упрекнуть тебя в алчности. Ступай.

Во дворце императрицы Цэнь Вэньцзян металась из угла в угол, задыхаясь от ярости. Едва Ян Си переступил порог её покоев, она коршуном бросилась к нему навстречу, едва не ткнув ему пальцем прямо в лицо.

— Ян Си! — вскричала она, сорвавшись на крик. — Что всё это значит?! Решил растоптать честь моего рода?! Твой братец при всех тискал этого Се Ляньфана! А ведь этот мерзавец когда-то грел постель моему отцу! Вы опозорились перед всем двором, у вас совесть есть вообще?! Впрочем, пусть забирает этого лиса себе, мне же спокойнее — хоть старик больше не будет тратить на него семейное добро!

Ян Си спокойно прятал руки в широких рукавах, пережидая бурю. Когда супруга наконец перевела дух, он негромко спросил:

— Что сделано, то сделано. Лучше подумай, как нам быть дальше. Как там Сяо Мэй? Сильно расстроилась?

— А сам как думаешь?! — злобно фыркнула Цэнь Вэньцзян. — Я битый час пыталась её успокоить, а она только слезами заливалась, так и ушла в слезах! Наш отец уже дряхл, у меня осталась лишь одна-единственная сестра. Если я позволю кому-то обидеть её, как мне потом

смотреть отцу в глаза?!

Ян Си посерьёзnel:

— Твой отец оказал мне неоценимую услугу, и у меня в мыслях не было обижать твою сестру. Но Сяо Лан упёрся наотрез, так что эту помолвку придётся отменить. Позже я найду способ загладить вину перед твоей сестрой.

Императрица презрительно усмехнулась и с силой одёрнула рукава платья:

— Он ещё смеет воротить нос?! Да после его сегодняшней выходки, даже если бы он приполз на коленях, я бы не отдала за него сестру! Наш род не настолько обнищал духом, чтобы навязываться первому встречному. Сяо Мэй сама сказала: она согласна пойти за любого мужчину в Поднебесной, кроме князя Хуая. И умоляла тебя, как императора, устроить её судьбу!

— Мне нужно подумать, — ответил Ян Си.

Спустя два дня императорский указ призвал Бэйчэнь Цина во дворец. Оставшись с ним наедине в тишине императорского кабинета и выслав прочь слуг, Ян Си без предисловий объявил:

— Юньци, возьми в жёны младшую уездную принцессу Цэнь.

Эти слова обрушились на сидевшего в кресле Бэйчэнь Цина сокрушительным ударом. Пальцы его судорожно вцепились в деревянные подлокотники. Он поднял на императора помертвевший взгляд, но тут же покорно опустил голову, не проронив ни звука.

Ян Си пристально посмотрел на него:

— Тебе и мне не нужны пустые слова. Во всей Поднебесной лишь ты один способен по-настоящему понять мои помыслы. Увы, раз уж принцесса не может выйти за Сяо Лана, её мужем должен стать ты. Иначе ей суждено вековать в девках, а это смертельно оскорбит её отца. Старый князь Цэнь засел в землях Гуаньчжуна и не желает оттуда высовываться — это моя главная заноза в сердце. Отдать её кому-то другому... я просто не могу себе позволить.

Бэйчэнь Цин вновь поднял голову. В его глазах сквозило беспросветное отчаяние. Ян Си загнал его в угол — теперь у генерала не оставалось иного пути, кроме смерти. Но пока долг держал его, он не смел уйти из жизни. Уголки его губ мелко задрожали, складываясь в бледную, вымученную усмешку:

— Ваше величество... Лишь вчера я обмолвился Сяо Лану о том, существует ли на свете что-то более жуткое, чем смерть. Сегодня я получил ответ. Оказывается, существует.

Ян Си осекся. Слова застряли у него в горле, на мгновение лишив самообладания. Справившись с собой, он мягко заговорил:

— Я виноват перед тобой. Но всё не так страшно, как ты расписываешь. Сяо Мэй — прекрасная партия. Ты ведь видел её на днях? И лицом, и статью она превосходит любую из знатных девиц столицы. Обещаю, в день вашей свадьбы ты сможешь взять из императорской казны всё, что твоей душе угодно. Пожалуйста, женись на ней. Сделай это ради меня.

Бэйчэнь Цин молчал. Ян Си опустил взгляд на его бледное, словно полотно, лицо, бережно поднял генерала с кресла за плечи и со вздохом произнёс:

— Юньци, не надо так. Вспомни, разве я сам хотел жениться на императрице? Но я сделал это. Ради чего? Ради солдат и провианта старого князя Цэня! Мы прошли сквозь огонь и воду, с таким трудом отвоевали эту империю, чтобы построить цветущее и мирное государство. Но Сяо Лан изводит себя, ты теперь выглядишь как живой мертвец... Вы оба ходите бледными тенями. Что мне с вами делать? Как с вами быть?

Ком застрял в горле Бэйчэнь Цина, душившие его слёзы мешали говорить. Из последних сил удерживая самообладание, он глухо выговорил:

— Хорошо. Я исполню вашу волю, государь.

Ян Си облегчённо вздохнул:

— Вот и славно. Никто не предан мне так, как ты. Сяо Лан в последнее время сам не свой. Если выдастся минутка, поговори с ним, вразуми его. Стоит ему устроить очередную каверзу, у меня сердце уходит в пятки. Ругать его я боюсь — вдруг натворит глупостей с горя? Прямо ума не приложу, как с ним сладить.

Бэйчэнь Цин, никогда прежде не смевший перечить государю, чувствовал, как от горечи сжимается сердце. Немного помолчав, он ответил:

— В тот день Сяо Лан был пьян, но теперь, должно быть, начал о чём-то догадываться. Каждое его слово теперь ранит, словно скрытый шип. Мне совестно смотреть ему в глаза, но и скрываться я не могу. Пожалуйста, поговорите с ним сами, ваше величество.

— Он ещё слишком молод, — отмахнулся Ян Си. — Со временем всё уладится. Все мы несём на себе шрамы прошлого. Но оставим это. Возвращайся к себе и начинай готовиться к свадьбе. Гадатели уже выбрали благоприятный день — торжество состоится через тринадцать дней. Построить новое поместье мы не успеем, но перед отъездом Лян-вана в Янлин мы договорились, что его столичная резиденция отойдёт казне. Я уже приказал слугам привести поместье князя Лян в порядок. Твоё дело — присматривать за войсками в лагере, обо всём остальном позаботятся мои люди.

В последующие дни столицу потрясли две ошеломляющие новости. Первым делом император пожаловал князю Хуаю богатейшие земли Эчжоу и тринадцать окрестных округов, передав в его личное владение те самые знаменитые медные рудники. Второй новостью, заставившей весь двор затаить дыхание, стало известие о скорой свадьбе Бэйчэнь Цина и младшей уездной принцессы Цэнь Умэй.

Весть о грядущей женитьбе генерала застала Ян Е в собственном поместье. В это время у него гостил Се Ляньфан, который так и вился вокруг князя:

— Ваше высочество, Лоян так прекрасен и полон жизни! Что если ваш покорный слуга откроет здесь собственную школу?

Ян Е с усмешкой покачал головой:

— Ах ты, корыстная душа! Всё бы тебе наживаться. Неужели ты готов бросить своего старого покровителя Цэня в Чанъане? С чего ты взял, что он отпустит тебя в Лоян?

Се Ляньфан заглянул ему в глаза:

— Старый князь Цэнь и впрямь был ко мне безмерно добр. Но годы его на исходе, негоже мне хоронить себя заживо подле увядающего дерева. К тому же он сам не раз говаривал, что я ещё молод и волен устраивать свою судьбу, если подвернётся стоящее дело.

— Что ж, воля твоя, — небрежно бросил Ян Е. — Если столкнёшься с трудностями, так и быть, помогу.

Се Ляньфан одарил его кокетливым взглядом и плавно приткнулся к его боку:

— Мой обоз с добром уже на подходе к столице. С таким покровителем мне море по колено! С завтрашнего дня займусь поисками подходящей усадьбы и обустройством. Но ежели у вашего слуги иссякнут сбережения, не откажите в малой горсти серебра. И не смейте плакаться на бедность — после того как вам пожаловали богатейшие рудники Эчжоу, в вашу нужду не поверит даже нищий у ворот!

Ян Е не выдержал и шутливо ущипнул его за гладкую щеку:

— Ах ты, хитрый лис! И откуда только узнал про рудники? Так вот зачем ты ко мне ластишься — почуял запах золота! Помнится, в прежние времена я щедро осыпал тебя монетами за ласки, с какой стати мне теперь раскошеливаться на твои затеи?

Се Ляньфан поспешно зашептал:

— Вовсе не даром! Вы станете моим компаньоном, и мы будем делить прибыль пополам. А ежели ваше высочество опасается за свою репутацию великого воителя, обещаю держать наше соглашение в строжайшей тайне. Можете положиться на меня.

Ян Е лишь рассмеялся:

— Ладно уж, делай как знаешь.

Заручившись поддержкой князя, Се Ляньфан рьяно принялся за дело. Прошло всего несколько дней, и он, как и следовало ожидать, явился с жалобами на нехватку серебра. Не желая тратить время на пустые споры, Ян Е велел управляющему выдать проныре всю затребованную сумму.

Се Ляньфан одарил его долгим, полным притворного обожания взором:

— Отныне эта школа наполовину принадлежит вашему высочеству. Обязательно заглядывайте к нам на досуге, дабы лично проверить, как процветает наше общее дело!

<http://bllate.org/book/19546/1998864>